

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета В. А. Луков, доктор философских наук, профессор, академик РАО Л. П. Буева.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П. С. Гуревич.

Гуревич П. В ночь с 14 на 15 августа 1947 года над древними бастионами Красного форта в Дели взвился трехцветный флаг. Длительная борьба Ганди против английского колониального владычества завершилась. Маленькому, хрупкому человеку удалось повести за собой миллионы людей. Казалось, никакой Левиафан не мог обрушить этого великого исторического деятеля. В нем жила несокрушимая сила. И в наши дни его имя произносят с таким пиететом, с каким называют святых. Духовный лидер индийской нации Махатма Ганди всю свою жизнь боролся против раздирающих его страну религиозных распрей, против принуждения. Но история оказалась безжалостной. Он сам пал на склоне лет жертвой насилия.

Проблема роли личности в истории не нова для философии. Задолго до Маркса эта тема привлекала многих мыслителей. Кажется неоспоримым, что историю творят вожди, великие личности. В истории древности мы склоняемся перед именами Перикла, Фемистокла, Александра Македонского, Дария, Ксеркса, Конфуция, Юлия Цезаря, Августа, Спартака. Однако философия истории поставила социальную мысль перед иной альтернативой. Не исключено, что в мире правят законы общественного развития. Личность, могущая повлиять на ход событий, случайна. А законы социальной динамики неотвратимы.

Герой рассказа Марка Твена «Путешествие капитана Стормфилда на небеса» всю жизнь мечтал стать великим полководцем. Но его мечта осталась нереализованной. Уже на неземном свете он просит ангела показать ему самого великого военачальника. Но тот объясняет, что на небесах многие из людей, порой нам даже неизвестных, из породы башмачников, коновалов, точильщиков, простолюдинов, которые за всю свою жизнь не держали в руках меча и не сделали ни одного выстрела, в душе были великими воителями. Здесь они по праву занимают свое место, а Цезарь, Наполеон и Александр Македонский вынуждены отойти на задний план. Величайшим военным гением, иронизирует Марк Твен, был каменщик из-под Бостона. Где бы он ни появлялся, туда моментально сбегались толпы. Но сколько раз он при жизни не пытался записаться в армию рядовым, его не брали, поскольку у него не хватало двух больших пальцев и двух передних зубов. Теперь Цезарь, Ганнибал, Александр и Наполеон служат под его началом...

Выходит, мало кому из достойных удается оставить след в истории. Из логики ироничного рассказа М. Твена следует и другая мысль: далеко не всегда те, что вели за собой народы, были самыми достойными.

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

- 1. Может ли личность оказать мощное воздействие на судьбу страны или мира?**
 - 2. Какие законы действуют в истории?**
 - 3. Как можно объяснить феномен десакрализации власти в современном мире?**
- На кого сегодня может уповать российский народ?**

1. Может ли личность оказать мощное воздействие на судьбу страны или мира?

Буева Л. Тема личности в истории не относится к числу новых, неожиданных. Новейшая история располагает богатейшим материалом по сравнению с тем, которым владел, к примеру, Георг Гегель или русский философ Петр Лавров. Мы знаем имена современных властителей, которые оказали немалое влияние на историю. Но нам известны и исторические злодеи, чью погибель, по Пушкину, можно было встретить «с жестокой радостью». Сравним для начала героизацию личности в истории, которая одушевляла социальную философию, и горькое разочарование при осмыслении темы тирании, деспотизма, а также несменяемости власти. Мы располагаем сегодня солидным опытом, который свидетельствует о негативном воздействии личности на историю. По крайней мере, нам приходится сегодня спорить, можно ли считать Сталина гением социальных достижений. Мы ощущаем также, что уход в небытие крупных восточных вождей не позволяет дать их деятельности однозначную оценку.

Луков В. Да, вопрос, разумеется, риторический. Ответ не вызывает сомнений. Об этом сказано и написано так много, что понятна и ирония Марка Твена. Сатирик шутит по поводу незаменимости властителей, полководцев.

Гуревич П. Не кажется ли вам все же, что в данном случае тема личности в истории обретает неожиданный поворот? Герой, спаситель отечества традиционно в социальной философии воспринимался как желанный небожитель. Обозначим это так: роль неотвратимой личности в истории.

Буева Л. Мне кажется, есть еще одна черта, которая характеризует тему, как она звучит в наши дни. Ее можно назвать так — «судьба диктаторов». Ни Гегель, ни Михайловский, ни Бердяев не обсуждали эту тему в полном объеме. Мучители на троне считались коварной шуткой рока. Конечно, самовластных злодеев в истории хватало. Но сегодня они все, что называется, на виду. Американский журнал «Тайм» составил даже рейтинг десяти пошатнувшихся диктаторов. Внутри этой десятки они расставлены по убывающей опасности падения. Первым стоит президент Египта Хосни Мубарак, уже объявивший о своем уходе. Тотальный триумф демократии и целый парад самодержцев. Все пишут о том, что судьба любого диктатора, Каддафи ли, Мубарака или Пиночета, одинакова. Однако не похоже, что век «вечных полководцев» уходит.

Луков В. Даже и в том смысле, что история переосмысливается и переписывается, еще не став такой давней, чтобы и свидетелей не было. Вот только что сообщили, что в Чили министр образования одобрил решение Национального совета по образованию не называть дальше Аугусто Пиночета диктатором и дал указание школам так излагать историю страны с 1973 по 1990 год, чтобы эти времена назывались не диктатурой, а «военным режимом». Соответственно меняются и школьные учебники: в стране не было диктатуры. Как это знакомо! Ключевые фигуры новейшей истории многократно приобретают и теряют свои узнаваемые черты. И роль СМИ и системы образования в этих переменах мнений огромна. Современнику событий в отношении великих людей довольно часто остается придерживаться правила Козьмы Пруткова: «Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим».

Гуревич П. Толпа свергает властителя. Но вопрос: чего хочет толпа? Оказывается, она хочет вождя. Не случайно Бердяев назвал демократию «человекообожествлением». Он писал также о различии рыцарей духа и плебеев. Александр Блок, напротив, славил бунт, мятеж, революцию. А как иначе можно свести исторические счета? Как вернуть утраченный ритм историческому Провидению? Французский философ Жозеф де Местр считал революцию провиденциальной, ниспосланной за грехи прошлого.

Буева Л. «Рыцари духа» — они же герои истории. Между прочим, когда социальные философы затрагивают тему личности в общественных процессах, они говорят обычно о политиках, государях, императорах, королях. Духовные вожди, как правило, остаются за

пределами темы. Однако это несправедливо. Вот что пишет, к примеру, канадский ученый и писатель Джон Ролстон Сол о Вольтере: «Сейчас трудно определить силу воздействия Вольтера на современное ему общество. Он был самой знаменитой личностью XVIII века. Хотя он не был ни философом, ни создателем цельной философской школы, именно ему было суждено определить направление развития всего XIX века».

Луков В. Для России это особенно характерная черта. Пушкин стал «нашим всем» и был оскорблен пожалованным ему званием камер-юнкера двора Его Императорского Величества — самым низшим в придворной иерархии. Уход и смерть на станции Астапово Льва Толстого стали важнейшим событием дореволюционной России. Паустовский описал, как он, тогда киевский гимназист, встретил эту весть. Позвольте, процитирую его хотя бы во фрагментах, настолько это выразительные строки. «Вот в такой день пани Козловская открыла дверь на звонок почтальона, взяла газету, охнула и засеменила ко мне в комнату. «Костик, — сказала она, — несчастье с графом Толстым!» Я вскочил, выхватил у нее газету, пахнувшую керосином, и начал читать первые телеграммы об уходе Толстого... Два или три дня занятия в гимназии шли кое-как. Потом таким же промозглым утром я увидел экстренные выпуски газет с траурной каймой, растерянных людей на улицах, толпы студентов около университета. Они стояли молча. На рукавах шинелей у всех студентов были креповые черные повязки. Незнакомый студент приколол и мне на мою серую шинель черную повязку. Я пошел в гимназию. Казачьи разъезды медленно проезжали вдоль тротуаров. Во дворах стояли кучками городовые. По дороге я догнал своих товарищей по классу — у всех, как и у меня, были траурные повязки. В раздевалке мы откололи эти повязки от шинелей и надели на рукава курток. В гимназии было особенно тихо. Даже малыши не шумели».

Даже малыши не шумели — так в далеком Киеве скорбели по ушедшему из жизни Толстому, совсем не полководцу, да еще отлученному от церкви. А казалось бы — что он Гекубе, что ему Гекуба? Почему народ реагирует на своих властителей так по-разному — от глубочайшего почтения до глубочайшего презрения? Очевидно, здесь дело не столько в самой фигуре великого человека, сколько в том его соединении с народом, когда народ осознает сам себя как что-то общее и ценное, и у этой ценности возникает человеческое лицо — лицо великого человека.

Буева Л. Все вроде так. Но совсем недавно один из видных православных деятелей отозвался о Толстом весьма нелицеприятно. Даже к духовным вождям отношение не только меняется, но остается крайне противоречивым. Что же тогда говорить о политиках или государственных деятелях? В годовщину отмены крепостного права в России о Петре Столыпине было написано много восторженного. Но ведь нашлись ученые, которые поставили перед собой задачу развенчать этого реформатора, доказать, что именно его деятельность привела к искривлению российской истории.

Гуревич П. И все-таки нельзя не увидеть, что социальные философы, обращаясь к теме нашего обсуждения, имели в виду отнюдь не духовных лидеров, а государственных деятелей. Не кроется ли здесь определенная опасность для понимания самой проблемы? Когда мы говорим о духовном вожде, мы имеем в виду, прежде всего, этический смысл. Но при оценке государственного героя мы склонны основное внимание уделять «полезности» его усилий. И в этом случае нравственная оценка, по сути дела, растворяется.

Луков В. Разумеется, здесь возникают уже иные мотивы. Ужасаемся ломке традиций, которую произвел Петр I, но воздаем ему должное: не будь этих преобразований, что стало бы с Россией? То же самое нетрудно увидеть и при анализе деятельности Столыпина. На первом месте сюжеты целесообразности, борьбы с отсталостью, косностью. Но оправдана ли с нравственной точки зрения ломка вековых традиций, общинного самосознания? Не аукнулось ли насилие, которое сопровождало реформу не только в виде устранения рабства, но и в желании подстегнуть историю, которое затем оказалось фатальным, непоправимым?

Гуревич П. Мне кажется, только за последнее время социальные философы

обратили внимание на роль духовных пророков в истории. Как выглядела бы судьба человечества, не будь в ней Иисуса, Будды, Конфуция или Мухаммеда? Я опираюсь в данном случае на книгу профессора Салама Керимовича Гусейнова «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней». Пушкин сравнил Петра Чаадаева с Периклом: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес». Но в оценке исторической личности могут быть и другие масштабы, глубинные нравственные критерии. У немецкого философа Готхольда Лессинга есть плодотворная идея: человечество возникает тогда, когда эта общность осознается. Без напряженного самосознания никакое единство не создается. Только постепенное осознание духовной одинаковости способствует рождению такого универсального образования, как человечество.

Луков В. И само собой понятно, что здесь не обойтись без определенных стадий, конкретных этапов и реальных властителей дум, через которые эта идентичность осмысливается.

Гуревич П. С этой точки зрения не выглядит архаичным воззрение Лессинга, согласно которому человеческий разум рассматривается как державная сила истории. Мы постоянно соотносим развертывание общемировой цивилизации с развертыванием производительных сил, хозяйственных связей, средств коммуникации или политической воли великих вождей. Но не всегда отдаем себе отчет в том, что эти объективные факторы создают только предпосылки для Вселенской Соборности. Человеческому роду надлежит еще осознать свою общность: к этой мысли мы сейчас привыкаем.

Луков В. Но Лессинг придает огромное значение Провидению. Речь идет о том, что история развивается не только по воле людей. В ней есть божественный план, предначертания Провидения. Людям ведь с давних пор было понятно, что помимо явных и понятных причин в движении событий участвуют некие скрытые факторы, которые на всех языках именовались провидением, роком или судьбой. Зададимся вопросом: в чем разгадка «осевого времени»?

Буева Л. Когда мы бросаем общий взгляд на историю, то, естественно, видятся какие-то более значительные, масштабные повороты событий. Лессинг усматривает своеобразные вехи истории человечества, которые он связывает с тремя религиями — язычеством, иудаизмом и христианством. Каждая из них — этап восхождения человеческого рода. Неизвестно, сколько миллионов лет, рассуждал Лессинг, человеческий разум блуждал бы по ложным путям. Но Богу было угодно придать проблескам человеческой мысли верное направление.

Луков В. Вы, Павел Семенович, хорошо излагаете эти идеи Лессинга в работах по философии культуры, и здесь это как нельзя кстати. Вообще, к фигуре Лессинга в аспекте нашего разговора можно было бы не раз вернуться, он действительно не архаичен.

Гуревич П. Понятно, что Лессинг рассуждает о провиденциальном плане истории. Долгое время историки первое универсальное изменение культуры усматривали в переходе от язычества к христианству. Однако Карл Ясперс предложил рассмотреть более раннее событие в истории человечества, которое он назвал осевым временем. Ось мировой истории, по его словам, можно обнаружить только эмпирически, как факт, значимый для всех людей, в том числе и для христиан. Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть. Кажется поразительным, что в течение сравнительно недолгого в масштабах истории периода одновременно произошли кардинальные прорывы в разных точках земного шара. Можно сказать, что случился поворот от племенной, мифологической культуры к подлинной истории человечества.

Луков В. Но Бог, коли верить в него, реализует свои цели через конкретных исторических деятелей. Вот, скажем, древнекитайский философ Конфуций. Он, как реформатор, не был похож ни на одного из подобных деятелей истории. Конфуций не внес в жизнь своего народа ничего нового, что было бы плодом его внутренней умственной и

духовной работы. Все, о чем он учил и что проповедовал, было раньше возведено древними мудрецами.

Буева Л. И в то же время конфуцианство можно назвать глубочайшим учением о нравственности, которое охватывает весь быт китайского народа, весь его образ жизни, его духовное состояние, весь государственный строй. Не случайно нынешние лидеры Китая стремятся возродить конфуцианство в его современном варианте. Вот пример великой роли личности в истории!

Луков В. Собственно, и другие духовные реформаторы, ставшие подлинными учителями человечества, не придумывали новое, а внимательно наблюдали за повседневными отношениями людей и соизмеряли их с идеалом, который виделся им достижимым. Они дали импульс миллиардам людей считать, что этот идеал достижим при соединении веры и деяния — высокой веры и достойного деяния.

Гуревич П. Имена Конфуция, Будды, Моисея, Иисуса Христа, Мухаммеда, а из более близких нам времен — здесь уместно назвать Махатмы Ганди. Как оценивать роль духовных реформаторов, ясно. Но как судить об историческом значении императоров, королей, полководцев? Здесь сразу возникает множество критериев и социальных подходов. Бальзак писал: «По существу существуют два вида власти — власть от народа, снизу, которая называется демократия, и власть сверху, от Бога, которая называется монархия. Вторая система власти мне ближе».

Буева Л. Французский писатель по существу развивает тему сакральной власти. Монарх, полководец могут пренебрегать интересами народа, мало заботиться о благосостоянии людей. Но при этом блистательно решать исторические задачи.

Луков В. Пушкин восторгался гением Петра, который Россию поднял на дыбы. А Бердяев полагал, что император изнасиловал женственную душу русского народа. Часть людей в России вообще считали его антихристом. Русская интеллигенция, подчеркивал философ, целые столетия готовила уничтожение и истребление дела Петра. Раскол в душе России остался, мол, непреодоленным и привел к страшной катастрофе — к падению России как великого государства.

Гуревич П. Пока мы рассуждаем о первой части поставленного вопроса. Да, в восемнадцатом веке люди, занимавшиеся философией истории, все сводили к сознательной деятельности личностей. Как известно, об этом писал Плеханов. Он иронизировал над сочинениями французского мыслителя Габриэля Мабли, который рассуждал о том, что критский царь и законодатель Минос целиком создал социально-политическую жизнь и нравы критян, а законодатель и политик древней Спарты Ликург оказал подобную же услугу Спарте. Если спартанцы «презирали» материальное богатство, то этим они обязаны были именно Ликургу, который «спустился, так сказать, на дно сердца своих сограждан и подавил там зародыш любви к богатствам». А если спартанцы покинули впоследствии путь, указанный им мудрым Ликургом, то в этом виноват был Лизандр, уверивший их в том, что «новые времена и новые обстоятельства требуют от них новых правил и новой политики».

Буева Л. Мы в наши дни заново оцениваем глубинную философскую традицию, которая на протяжении многих веков славилась выдающихся государственных деятелей. Разве речь идет только о Мабли? Поэтизация героя — в сочинениях Сэмюэля Кольриджа. Будучи противником революции, он все же считал, что только герои, пророки, мистики способны радикально повлиять на ход исторических событий. А размышления Петра Лаврова о критически мыслящих личностях, способных изменить вектор истории с помощью революции? Подчеркнем, что идеал будущего он связывал с возможностью аналитически суровой оценки наличного порядка вещей. Он полагал, что творческие личности могут по своему разумению развернуть историю в любую из сторон. Коль скоро они считались главными двигателями человечества, то им принадлежало право создавать новые модели общества и даже реализовать на практике. Но если эти мыслящие деятели оказывались несостоятельными, то они же и должны нести ответственность за собственные

провалы. Народ же считался безликой массой, призванной идти за своими лидерами, если даже эти вожди оказывались недостойными руководителями. Понятное дело, что при такой трактовке истории ее осмысление ограничивалось описанием деяний королей, царей, монархов и войнами. Причем с приходом нового суверена историю переписывали заново в угоду новым властителям. И Валерий Андреевич отметил, что эта тенденция не исчезла. И сегодня нередко всю общественную летопись сводят к политической истории.

Луков В. В философских трудах послемарксистского времени об этих социально-философских исканиях было сказано много негативного, разоблачительного. Но ведь действительно великие исторические решения связаны с именами выдающихся политических деятелей. Мы вспоминали на одном из наших обсуждений, как в VI в. до н.э. граждане Афин медленно вступали в полосу кризиса. Город был во власти евпатридов, аристократов по рождению, которые контролировали власть, владели большей частью земель и, пользуясь своей властью, закабалили бедных земледельцев. Когда афиняне столкнулись с разделением общества на бедных и богатых, с экономической нестабильностью и угрозой революции, они в отчаянии призвали Солона и предоставили ему все полномочия. Придя к власти, Солон своим первым законом упразднил долги, по которым земли изымались у крестьян, и освободил из рабства всех граждан. Если говорить современным языком, то он законодательно утвердил дефолт. Афиняне называли это «страхивание бремени». Но на практике это означало уничтожение долговых обязательств. Освободив как отдельных людей, так и нацию от долговых цепей, он восстановил общественное равновесие. В Афинах вскоре стало расти благосостояние общества, а вместе с тем распространились и демократические идеи.

Буева Л. В прошлом можно найти массу примеров, подтверждающих величие тех или иных общественных начинаний. Прав был Карл Маркс, когда высмеивал авторов, из сочинений которых вытекало, будто в истории действуют одни глупцы. Но у этой тенденции есть и свой опасный, негативный аспект. Возникает апология любого государя. В социальной философии мы постоянно встречаемся с такими суждениями: «он дал нам свободу», «он выиграл войну», «он обеспечил рывок», «он покончил с патриархальностью». Выходит, история — это социальный фон, на котором чудесничают великие вожди. Юный наследник северокорейской власти еще не успел ничего сотворить, как только что был объявлен в своей стране военным гением. Вполне понятно, скажем, стремление Гегеля развенчать эту идею. Ну, хотя бы показать, что в истории действуют люди, которые ставят перед собой цели, что в ней сталкиваются и перекрещиваются их стремления, а в результате этого образуется еще нечто, что не входило в намерения и цели действующих лиц.

Гуревич П. Но при этом, как бы мы ни восхищались властителями, всегда есть основание для самых разноречивых оценок их деятельности. Зачем Наполеон предпринял свои безумные походы в погубившую его даль? И почему Пушкин назвал его самовластным злодеем? Если полагать, что создание империй — благо историческое предназначение, то Александр Македонский действительно — герой истории. Ему нужно было образовать великую монархию и объединить Восток и Запад. Да ведь и задолго до него в древнем Египте, Ассирии, Вавилоне, Персии возникало устремление к образованию всемирной истории. Но эти исторические цели вызвали огромные жертвы. Монархи бесконечно воевали друг с другом. А это страдания и смерть. В конечном итоге, порой сталкивались имперские амбиции. И вот потрясенный Гамлет произносит:

*Двух тысяч душ, десятков тысяч денег
Не жалко за какой-то сена клоч!
Так в годы внешнего благополучья
Довольство наше постигает смерть
От внутреннего кровоизлиянья.*

Луков В. Но именно так становились реальными таинственные силы истории. Выковывалось единство человечества, шествовало историческое провидение.

Буева Л. Плеханов, захваченный идеей материалистического объяснения истории, низводит легендарную, мудрую личность до случайного фактора. Но исторические примеры внушительны. Генрих IV — величайший король Франции. Невыносимо сложный жизненный путь. В стране бушует гражданская война. Он приходит к власти, когда страна лежит в руинах. Размер государственного долга превышал 348 млн. ливров, колоссальная сумма по тем временам. Путем мудрых решений удалось обесценить государственный долг. А через десять лет восстановилось и единство Франции.

Гуревич П. Мало ли примеров? Королева Елизавета I считается самым выдающимся монархом в английской истории. Ее правление характеризуется экономическим подъемом и становлением Англии как первой среди всех морских держав мира. Время ее правления называют «золотым веком Англии», как в связи с расцветом культуры (так называемые «елизаветинцы»: Шекспир, Марлоу, Бэкон и др.), так и с возросшим значением Англии на мировой арене (разгром Непобедимой Армады, Дрейк, Рейли, Ост-Индская кампания).

Луков В. И все же при оценке личности в истории возникает поразительный разброс мнений. Это касается не только результатов деятельности лидеров истории, но и их оценки как личностей.

Гуревич П. Да, хочу привести пример, который меня поразил. О 28-м президенте США мне было известно по работе З. Фрейда, которую он написал совместно с У. Буллитом. Издавая совместный труд, авторы старались определить свое отношение к этому политическому деятелю. Обычно, рассуждает Фрейд, когда автор высказывает свое мнение об исторической личности, он начинает с уверения, будто работа написана без «гнева и пристрастности». Но немецкий психоаналитик сразу заявляет, что личность Вудро Вильсона, с самого начала появления на европейской арене, не вызвала у него симпатии. Зато антипатия становилась со временем сильнее.

Буева Л. Я помню, Фрейда потрясла фраза политика, который, став президентом, заявил: «Богу было угодно, чтобы я стал следующим президентом США. Ни тебе, ни другому смертному не удалось бы помешать этому».

Луков В. Напоминает российские реалии...

Гуревич П. Похоже. Фрейд, анализируя детство президента, а также его личность, все время подчеркивает серьезные невротические реакции, которые тот испытывал и как ребенок, и как руководитель государства. Постепенно осваивая биографический материал, Фрейд стал испытывать и другие чувства к герою своего исследования. Однако это чувство, скорее всего, жалость. Конечно, замысел книги не состоял в том, чтобы показать В. Вильсона патологическим типом. Но что имелось в виду, то и обозначено в книге: «Великие достижения столь часто совершаются людьми с психическими отклонениями, что невольно испытываешь искушение предполагать, что они неотделимы друг от друга».

Буева Л. Опять недоумки и психопаты.

Гуревич П. Да, но в книге недавно ушедшего из жизни Анатолия Ивановича Уткина Вудро Вильсон не выглядит психопатом. Можно, разумеется, смеяться над самообожанием президента, но ему пришлось возглавлять страну в один из труднейших этапов в развитии США. Труд А. И. Уткина, как отмечено в аннотации, не только подробная биография, написанная детально, как настоящий исторический роман. Это серьезнейшее исследование событий Первой мировой войны и становления нынешней роли США в мировой политике.

Луков В. Кстати, вот что он подчеркивает: «Чтобы понять современный мир, важно обратиться к периоду, когда ведущие трансформации начала XX века только начинались. Без ясного видения первого броска США к мировому могуществу невозможно понять последующую эволюцию крупнейшей державы в XX и XXI веках».

Гуревич П. Вот видите, все знают работу Анатолия Ивановича Уткина, но не все помнят, что писал об американском президенте Фрейд. Да, Анатолий Иванович называет

Вудро Вильсона выдающимся государственным деятелем. При нем провинциальная политика США превратилась в мировую. Но именно в эти годы в Соединенных Штатах произошла беспрецедентная концентрация власти. И именно поэтому Вильсону довелось сыграть ключевую роль в формировании нового характера международных отношений.

Буева Л. Мне кажется, тенденциозность Фрейда очевидна. Он сразу ошарашивает сильным заключением: «Глупцы, мечтатели, страдающие от иллюзий, невротики и лунатики во все времена играли громадную роль в истории человечества, и не только тогда, когда они были знатного происхождения». Фрейд и его соавтор рисуют В. Вильсона нарцисстической личностью. Вильсон искренне удивлялся, почему люди проявляли повышенный интерес к его личности. Он полагал, что наибольший интерес должны вызывать дела политика, а не его личность.

Гуревич П. Мы, замечает А.И. Уткин, исходя из опыта хотя бы последнего столетия, знаем, сколь важен субъективный фактор, насколько велика роль личности в истории. Поэтому автору монографии удается рассказать о реальных делах президента, не скрывая парадоксальности его натуры. Его характер сложился в постоянной жизненной борьбе. С ранних лет он привык полагаться на себя, на неорганизованность других смотрел отстраненно. Вильсон умел находить выход из почти непреодолимых социальных катаклизмов.

Луков В. Политическая психология в нашей стране только складывается. Хотелось бы, чтобы традиции, заложенные в ней, сохранились. Как много неизученных тем! Речь идет о феномене харизмы, об образах злодеев и героев в истории, о наваждениях толп, о пиаре и манипуляции. Но, разумеется, разработка этих тем важна не только для политической практики, для эффективности политики или для выработки трезвого политического мышления. Политическая психология, как это и показал в свое время З. Фрейд, может в значительной мере обогатить и общую психоаналитическую теорию. Она может раздвинуть горизонты психологического и исторического знания.

2. Какие законы существуют в истории?

Гуревич П. Да, роль личности в истории несомненна. Но мы отвлеклись от мудрой мысли Марка Твена: историческую личность рождают социальные обстоятельства. В полемике с Плехановым, который критикует субъективный подход к истории, не упустить бы на самом деле реальную историческую предопределенность, значимость многих факторов в общественном развитии.

Луков В. Плеханов как раз и выступает против беспредельной вариативности истории. Он не хотел бы видеть историю как процесс, который великие личности растаскивают в разные стороны.

Буева Л. Но он хотел показать, что ход истории предопределен. За спонтанной активностью исторических героев неумолимо просвечивает закономерность. По сути дела, в истории нет выбора. Но это означает, что нет и кумиров. Не будь Петра I, его миссию выполнил бы другой правитель, раз уж назрела историческая надобность.

Гуревич П. Но у известного писателя Фазиля Искандера есть такая мысль: отсутствие выбора возможно лишь как результат выбора, сделанного неверно. Сталкиваясь с вечным круговращением истории, с ее прерывностью и непрерывностью, мы и сегодня хотим установить законы социального развития, обуздать историческую стихию.

Луков В. Известный реформатор Фридрих фон Хайек писал, что история, как и рынок, является процедурой открытия таких фактов, которые не предопределены заранее, а потому она в принципе непредсказуема. И шанс человека в истории связан не с открытием законов, а со свободой перешить свою судьбу, выбрав из возможностей набора какую-то одну.

Гуревич П. Разумеется. Но, утверждая монизм истории, Плеханов исходил из марксистского убеждения, согласно которому социальную динамику определяет

экономика. Сегодня социальные философы показывают, что любая культурная эпоха предстает перед нами в виде сложного спектра культурных тенденций, стилей, традиций и манифестаций человеческого духа. Если ход истории обусловлен, то личности оказываются простыми «накладными расходами» в этом движении событий. История при этом, можно сказать, теряет человеческое лицо. Ее обнаружения анонимизируются. Хочешь понять историю, изучай конкретные социальные конstellации.

Буева Л. Само собой понятно, это крайность. Такая же, как мельтешение незаурядных лиц в истории.

Гуревич П. Гегель, мы знаем, был категорически против анализа субъективной мотивации великих вождей. По его мнению, незачем выявлять мотивы поступков и деяний властителей, поскольку они обусловлены историей, ее запросами. Немецкий философ не согласен с теми исследователями, которые выводили движение истории из индивидуальных качеств ее действующих лиц. Не стоит, мол, обольщаться мыслью о том, что все исторические подвиги Александра Македонского были вызваны его личной страстью к завоеваниям. Это позволило будто бы ему сначала захватить часть Греции, а затем и Азии. Не резонно, согласно Гегелю, искать благородные мотивы в деятельности Наполеона. Он, дескать, просто страдал властолюбием, амбициозностью, и поэтому выполнил некие исторические задачи.

Луков В. А Гегель-то прав. Какой смысл сводить реформаторскую деятельность Петра к результатам его вспыльчивого характера, болезненным обнаружениям духа? Впал, мол, в депрессию и решил прорубить окно в Европу. Раз мы заговорили о законах истории, то нам стоит исходить из того, что люди, проживающие эту историю, ее, можно сказать, носители, оказывают на нее не одно и то же воздействие. Польский социолог Петр Штомпка, обобщая эти различия, выделяет три группы людей. Первая включает обычных людей, тех самых, которые едят, пьют, разговаривают, работают. Вторая — это собрание исключительных людей. Исключительных — благодаря их личным качествам — знаниям, таланту, силе, хитрости, харизме и т. д. Они действуют в интересах других людей или манипулируют ими, подавляют их. В третьей группе оказываются люди, занимающие позиции, которые обеспечивают им особые полномочия: правители, законодатели, менеджеры, полицейские и т. д. Лишь иногда среди них есть те, кто может быть отнесен и во вторую группу (Петр I, например), но полномочий бывает достаточно, чтобы решения даже заурядного человека могли повлиять на ход событий. На ход событий — хочу подчеркнуть, — а не на историю. Ее-то и определяют, в конечном счете, те самые обычные люди, которые едят, пьют, разговаривают, работают. Только в этих пределах и реализует себя великая личность.

Буева Л. Интересно было бы посчитать, сколько таких «великих» было в истории.

Луков В. Трудная задача со многими неизвестными, хотя касается людей известных. В свое время вычислить долю великих людей в общем числе жителей попытался Вернер Зомбарт, немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры. Путь его расчетов был таков: он разделил число жителей за исторически известный период на число лиц, оставшихся в истории. По его расчетам, со времен Перикла до 1850-1870-х годов число жителей на Земле составило около 46 млрд. человек, а «великих» — около 1 млн. человек. Из этого следует, что один «великий» приходится на 450 тыс. человек. Численность населения России на 2011 год — 142,9 млн. человек. Значит, если верить Зомбарту, у нас 317 «великих» есть в наличии. А мест в Госдуме 450 — всем бы хватило. Но вся загвоздка в том, что «великие» не разбросаны равномерно на каком-то пространстве, заполненном однородной людской массой. Закономерность как раз и состоит в том, что это не статистическая величина, «великого» человека призывает великое дело. Это касается любой области. Вот научные открытия — и здесь видим, как при достижении определенного культурного и технологического уровня открытия начинают сыпаться, как из рога изобилия. В такие времена полно случайных открытий, имеющих большое значение для человечества. В 1879 году химик Константин Фальберг не вымыл руки после одного из

опытов. Итог — создание сахара, заменившего сахар. Физик Анри Беккерель в 1896 году не провел опыт с ураном из-за пасмурного дня и спрятал оборудование в темный ящик. Итог — открытие радиоактивности. Микробиолог Александр Флеминг, уезжая в 1928 году в отпуск, случайно не убрал рабочий стол. Итог — открытие пенициллина. Открытия идут иногда чередой, но только в результате того, что они подготовлены даже не только развитием науки — всем жизненным устройством и переустройством.

Буева Л. В политике, наверное, случайно не убранный стол не имеет большого значения.

Луков В. Это как сказать! Вспомним Эжена Скриба, пьеса которого «Стакан воды» не теряет своей актуальности уже больше полутора веков. У пьесы, между прочим, название длиннее, чем пишут в театральные афиши: «Стакан воды, или Причины и следствия». А в пропущенном — как раз авторская идея. Главный персонаж скрибовской пьесы — виконт Болингброк дает очень яркую характеристику «теории малых причин»: «Никогда не надо пренебрегать маленькими величинами, потому что через них мы приходим к большим. Вы полагаете, вероятно, как, впрочем, и большинство людей, что политические катастрофы, революции, падения империй вызываются серьезными, глубокими и важными причинами... Ошибка! Герои, великие люди покоряют государства и руководят ими; но сами они, эти великие люди, находятся во власти своих страстей, своих прихотей, своего тщеславия, то есть самых мелких и самых жалких человеческих чувств». Болингброк добавляет пример из личного опыта: «...я стал министром потому, что умел хорошо танцевать сарабанду, и перестал им быть потому, что схватил насморк». И, наконец, политическая рекомендация Болингброка: «Талант вовсе не в том, чтобы соперничать с провидением и выдумывать события, а в том, чтобы уметь ими пользоваться. Чем ничтожнее они, тем, на мой взгляд, они важнее. Великие следствия малых причин!.. Вот моя система!».

К этому можно добавить, что «великий человек» может сознавать значение своей деятельности как деятельности исторически значимой, а может и не сознавать. Колумб делал свое дело, он не открывал Америку. Маркс, Ленин, Горбачев сознательно меняли мир.

Гуревич П. Вот почему в гуманитарном сознании правомерно царствует сегодня психоистория. Психоисторики считают, что жизнь человека обусловлена его историческим контекстом, но при этом огромную роль играет и внутренний мир человека. Психология эпохи, которая порождается во многом психологией личности, оказывается важнейшим фактором социальной истории.

Луков В. Но психоистория не предлагает нам вернуться к догегелевским представлениям. Социальная философия в течение нескольких столетий, по сути дела, навязывала нам жесткую альтернативу: либо личность, либо законы истории. Между тем сегодня важно проникнуть вслед за Марксом в сложную диалектику объективных и субъективных факторов. Психоистория сложилась под влиянием идей эгопсихологии (Г. Гартман), которая подчеркнула роль адаптивных функций психики, и сравнительной культурантропологии (М. Мид), показавшей культурную специфику и разнообразие биологически обусловленных форм поведения человека. На формирование психоистории огромную роль оказала также клиническая практика в США.

Буева Л. Получается, что мы в каком-то смысле опять возвращаемся к личностному фактору истории. Конечно, мы теперь гораздо больше знаем о личности, о том, как ее индивидуальные особенности сказываются на историческом процессе. Но ведь еще с большим тщанием психоисторики изучают социокультурные параметры исторической эпохи, прежде всего характерные особенности ее духовной атмосферы.

Луков В. Да, согласен с вами. Продолжая традиции психобиографий выдающихся деятелей мировой культуры и политики, созданных З. Фрейдом, и биографики К. Ясперса, психоисторики совершили примечательный поворот в этой области. Они отказались от функций классического исторического анализа. Задача психоистории сводилась к тому,

чтобы показать, как отдельные личности обеспечивают духовный климат эпохи.

Гуревич П. Здесь новая постановка вопроса заключается в том, что внутриличностные конфликты великих людей соотносятся не с общим ходом истории, а с социально-психологическими конфликтами времени. Петр не смог бы в силу свойственных ему черт характера поставить Россию на дыбы, если бы культура того времени не отвечала этим запросам. Но это, как говорится, не консонанс, а глубокая драма истории. Недаром русский философ писал о Петре, что законного брака русской мужественности и русской женственности не совершилось и через него.

Луков В. Главной методологической установкой психоистории стал своеобразный принцип, который постулирует принцип психосоциального соотношения интимно-личностных и социально-исторических коллизий. Таким образом, фиксируется важнейший «исторический момент», который определяет судьбы истории.

Буева Л. Психоистория исходит из положения, что существуют бессознательные императивы человеческих действий. Это предполагает наличие более ранних уровней психического, которые уже не осознаются субъектом, но в то же время способны воздействовать на его поведение. При этом мы часто оказываемся свидетелями конфликтов между сознательными установками и бессознательными стремлениями на индивидуальном и массовом уровне.

Гуревич П. Вот видите, социально-политическая история часто не получала адекватного объяснения. Однако применение методов психоанализа, культурной антропологии и социальной психологии изменило положение. Психоисторический метод часто называют генетическим, поскольку он подчеркивает значение предшествующего опыта. Такой подход предполагает, что реальности настоящего непрерывно динамически взаимодействуют на бессознательном уровне с личным и коллективным прошлым. Для психоисторика важно не только понимание неких вневременных универсальных фантазий, но и выявление их специфических выражений в данном месте и времени. Они показывают, как социальные травмы — война, голод, экономические кризисы, эпидемии — отличаются по своему воздействию друг от друга, обуславливая вместе с тем характер функционирования группы и стиль лидерства.

Луков В. Мне кажется, что Маркс был близок к такой методологии. Хочу в этой связи напомнить блестящую работу Эриха Соловьева «Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса».

Буева Л. Да, я тоже хотела напомнить о ней. Ведь известная парадоксальность этого исследования состоит в том, что она показывает изнанку нашей проблемы.

Луков В. Да, в ней речь идет о том, как рождается психологическая фикция «великой личности». Фридрих Энгельс, обращаясь к работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», описывает исходную задачу, с которой столкнулся ее автор. Следовало объяснить государственный переворот, героем которого оказалась Луи Бонапарт — личность, абсолютно не соизмеримая с действительным историческим масштабом этого переворота и его значением для судеб страны.

Гуревич П. Я помню это исследование Эриха Соловьева. Оно действительно ставит психоисторические проблемы. Было бы наивно полагать, будто Маркс рассказывает о человеке, который, не имея оснований, претендует на роль великой личности в истории. С точки зрения домарксистской социальной философии, такой политик не мог иметь успеха, и был бы обречен. Но Эрих Соловьев, следуя Марксу, задается вопросом: как могло случиться, что человек с редуцированной личностью оказался победителем в напряженной политической борьбе, которая, казалось бы, должна была требовать максимального развития личностных качеств?

Буева Л. Одним словом, для Маркса это не проблема случайности в истории. Общественно-историческая ситуация анализируется не просто как некое сцепление обстоятельств, но как живое, динамическое переплетение поступков, совершенных реальными субъектами исторического действия. Эрих Соловьев подчеркивает, что в этот

анализ включаются такие специфические личностные характеристики, как самосознание, иллюзии, установки, эмоции. Судьбы классов рассматриваются поэтому в категориях трагедии и фарса, убежденности и цинизма, чести и бесчестия.

Гуревич П. Это экзистенциальный аспект проблемы. А психологический ее инвариант в том, что Луи-Наполеон воспринимался массами через призму другого героя истории — Наполеона. Социальная философия показывает, какую огромную роль в истории играют психологические фикции, образы харизматических героев и их девальвированные копии.

Луков В. Однако в психоисторических исследованиях тема исторической безответственности, личной паранойи, преступного нарциссизма рассматривается как важный фактор, влияющий на судьбы мира. Работа Эрика Эриксона, посвященная фигуре Мартина Лютера, позволяет увидеть историю через причуды психопатологической судьбы.

Буева Л. Но ведь судьба Лютера в чем-то обычная. Но в ней — провозвестие исторической драмы. Поначалу все как у людей. Мартин Лютер был честолюбивым сыном честолюбивого отца, горнорабочего, все помыслы которого были направлены на то, чтобы преуспеть в качестве среднего адвоката, и буквально вдалбливал в голову своему сыну эту мысль. Мартин выделялся в школе и хотел изучать юриспруденцию. Но вместо этого он оказался в тяжелом внутреннем кризисе. Под влиянием пережитого во время грозы сильного страха и навевших им размышлений, к которым его душа была «подготовлена», Мартин решил уйти в монастырь Святого Августина в Эрфурте. Когда он сообщил об этом отцу, тот впал в крайнюю ярость. Он настаивал на том, чтобы молодой Мартин стал адвокатом. Получается, что личная семейная драма оказалась спроецированной на историю.

Гуревич П. Без Лютера не было бы четырех столетий буржуазного общества. Дело даже не в психологических чертах политика или духовного лидера. История, по удачному выражению британского историка Джорджа Коллингвуда, это жизнь самого духа, который является духом лишь в той мере, в какой он живет в историческом процессе и вместе с тем осознает себя самого живой его частью. Лютер восстал против собственного отца и стал нуждаться в силе Бога, чтобы укрепиться в своей позиции.

Луков В. Но можно ли в данном случае говорить только о личности и совпадении исторического запроса? Для психологического мира Лютера важна совесть, но массы могли только верить. Личная вера, о которой он просто сообщал разным людям, оказалась сильнейшей и абсолютной альтернативой схоластической догме. Так Лютер стал выразителем эпохи, которая находилась в движении и развитии.

Буева Л. Сколько еще аналогичных тем. Психоистория получила достаточно быстрое развитие. В Германии вышло немало трудов о нацизме. Американские специалисты не раз применяли методы культур-антропологии и, в частности, концепцию «модельной личности» к изучению германского национального характера. Психоистория оказалась также полезной для понимания массовых фантазий и движений, основанных, например, на рабской ненависти.

Луков В. Вообще, за психоисторией или за исторической психологией, что две стороны одной и той же медали, большое будущее. Об этом еще раз мне напоминает только что вышедшая книга нашего ведущего психолога Анатолия Лактионовича Журавлева, возглавляющего Институт психологии РАН, «Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии». Исторической психологии он посвящает целый параграф и отмечает, что в настоящее время ее развитие — явление не рядовое, а крайне важное для развития психологической науки в целом. Он, среди прочего, отмечает тесную связь исторической и социальной психологии. Здесь это важно отметить, поскольку даже когда мы говорим об исследовании личностных качеств великих людей, нас в первую очередь интересуют те психологические качества, которые способны привлечь массы людей, реконструировать их картины мира, дать импульс к определенному действию.

Буева Л. В этой связи, Павел Семенович, мы можем снова обратиться к фигуре

Ганди — вы упомянули его в начале обсуждения, причем в аспекте психоисторической проблемы. И снова вернуться к Эриксону, автору книги «Истина Ганди», в которой отражено проведенное им психобиографическое исследование того, как родились идеи Ганди о непротавлении злу насилием (под влиянием Льва Толстого, между прочим). Книгу пока не перевели на русский язык.

Гуревич П. С этим историческим деятелем связано испытание сатьяграхи на широком социальном фоне. Давайте подумаем, что мы можем извлечь из этой работы сегодня для оценки российских реалий. И так, во время ненасильственной конфронтации между тысячами индийских рабочих и владельцами текстильных фабрик Ганди возглавил рабочих. Во время этого противостояния Ганди соблюдал пост. При этом для него важнее всего было подать личный пример, а не заставить владельцев фабрик пойти на уступки, вызвав у них чувство вины или страх перед социальными последствиями в случае его смерти. Он прекрасно понимал, что соблюдение поста из гордости и ради устрашения легко могло стать рычагом власти.

Луков В. Историки справедливо хотят, чтобы психоаналитики больше знали о фактах и методологии истории. А психоаналитики справедливо хотят, чтобы историки, рассуждая о влиятельных личностях, больше знали о психологии. Ибо когда историки отрицают какой-либо интерес к психологии и утверждают, что для объяснения поступков определенного исторического персонажа опираются лишь на «здравый смысл», — не более чем самообман.

Буева Л. Имплицитно это подразумевает, что человек ведет себя, руководствуясь исключительно сознательными мотивами, и не испытывает бессознательных влияний.

Гуревич П. Однако книга о Ганди — это вовсе не патографический портрет индийского лидера. Пытаясь понять эту фигуру, Эриксон задается вопросом: «Что было в нем главным?» А вот что: в Индии, для которой характерны максимальные религиозные и кастовые различия, нашелся человек, сумевший за короткое время соединить и воплотить в себе все идентичности «человека» и начавший разрабатывать метод, с помощью которого, как он надеялся, удастся создать справедливую совместную жизнь, основанную на силе правды.

Луков В. Пример Ганди показывает, что многие острейшие социальные проблемы можно решать без оранжевых революций, без насилия и бунтарства. Но здесь важна роль такого лидера, который мог бы объединить множество идентичностей, множество социальных интересов. Но, разумеется, без политической демагогии и культа абстрактно понимаемой стабильности.

3. Как можно объяснить феномен десакрализации власти? На кого может уповать российский народ?

Гуревич П. Сегодня многие эксперты и политики говорят об исторически значимой деятельности Путина, о его незаменимости. Но все это звучит на фоне резко обозначающейся десакрализации власти. В Интернете можно наткнуться на слова, по сравнению с которыми лозунг «Долой самодержавие!» может показаться интеллигентским всхлипыванием. Говоря о роли личности в истории, социальные философы постоянно наделяли власть священным статусом. Так было всегда, возможно, уже при аграрной стадии развития человечества. Этот феномен мы обнаруживаем во многих культурах. А сегодня?

Буева Л. Феномен десакрализации власти, безусловно, существует. Но, во-первых, у этого процесса есть свои пределы. Здесь важны оттенки. С одной стороны, президент Российской Федерации обладает такой властью, какой не пользовался ни один абсолютный монарх. В этом смысле власть сохраняет обрядовость. Она возвышает правителя над рядовыми политиками, поскольку он обладает правом формировать элиту. Его верховенство опирается на закон. Российская конституция упрочивает абсолютную

монархию номенклатурного типа как форму государственного правления. Власть сегодня тоже разнолика. Культ диктатора целиком укладывается в сакральные каноны. Похороны забальзамированного тела Ким Чен Ира — священный акт истории Северной Кореи.

Луков В. Но в чем все-таки суть действительного процесса десакрализации власти? Жизнь властителя, его быт становятся легендами, но они лишены божественного. Газеты рассказывают о том, как никому не известный организатор афроамериканской общины в одном из районов Чикаго стал президентом. Желтая пресса сообщает, что Буш нелепо подавился соевым роголиком. Из многих достоинств Обамы известно, что он в один миг способен убить муху, хотя от ударов других политиков она может легко уклониться. Мы узнаем, наконец, что Буш был невысокий, белый и туповатый. Обама, напротив, высокий, темнокожий и умный. Буш злоупотреблял алкоголем, Обама — классический трезвенник. Жена гоняла Буша, а Обама — примерный семьянин.

Гуревич П. Но ведь этот процесс начался не сегодня. Сакральность слиняла с европейских правителей в XVIII в. Власть становилась театрализованной. Людовик XIV, по натуре человек простой, изображал великолепие, чтобы укрепить свою власть и ослабить позиции знати. Елизавета I играла роль роскошной, обвешанной с головы до ног драгоценными камнями девственницы, чтобы защитить себя от власти мужчин и самой напрямую осуществлять власть.

Луков В. Вообще, как всякий сложный социальный и культурный феномен, власть обладает многосмысленностью и многоликостью, и в этом плане десакрализация одновременно может сопровождаться сакрализацией, которые в современных тезаурусах оказываются совместимыми без каких-либо переходов и специальных комментариев. Удивительный пример — Наполеон. При жизни властитель с изменчивой судьбой, проигравший войну, повторное возвращение во власть, не являвшийся примером добродетели ни в чем, пожалуй, разве что в том, что спал 4 часа в сутки. Не красавец, не верный семьянин, не примерный отец семейства, вдобавок узурпатор. И что же? Австрийский поэт барон Иосиф Христиан фон Цедлиц, участник, кстати сказать, антинаполеоновского похода 1809 года, который закончился тем, что Наполеон разбил австрийцев и через месяц уже был в Вене, — так вот, Цедлиц пишет балладу «Ночной смотр», знаменитую у нас в переводе В. А. Жуковского:

*В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом...*

Буева Л. Но это все же сакрализация личности, а не власти как таковой. Когда Мишель Обама пытается обнять на приеме английскую королеву, она нарушает вековые традиции Англии, но сакрализируется не конкретная правительница.

Луков В. Извините... Всегда ли есть различие? Но позвольте досказать о Наполеоне. Ему «армия честь отдает», пароль же, который он сообщает своим маршалам, а те — всей поднимающейся из могил армии — «Франция». Стихотворение Пушкин помещает в первом номере своего журнала «Современник», а бившийся с Наполеоном партизан Денис Давыдов об этом строчит в письме Жуковскому: «Мне Пушкин пишет, что ты в журнал его дал такие стихи, что мой белый локон дыбом станет от восторга». Пять лет спустя Цедлиц пишет балладу «Корабль призраков», еще более знаменитую у нас из-за того, что перевел ее М. Ю. Лермонтов. Мертвый император вновь обретает зримый облик:

*Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына*

*И старую гвардию он.
И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.*

Те, кто должны были пылать ненавистью к Наполеону, прославили его, подняли на пьедестал романтического героя. Это совсем не значит, что в этот момент они изменили себе, стали антипатриотами и бонапартистами. Особенность сакрализации состоит в том, что образ способен совершенно оторваться от носителя, начинает жить своей самостоятельной жизнью. Но точно так же действует и десакрализация.

Буева Л. Мы об этом можем размышлять совсем не абстрактно: на наших глазах, а в каких-то моментах при нашем участии, произошла десакрализация советского пантеона героев.

Луков В. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — в первом эшелоне лишенных не то что былого почти обожествления, но и даже признания ума, образованности, профессионализма в областях их деятельности и т. д. Во втором эшелоне — Дзержинский, Горький, Макаренко и многие другие. В переписанных на деньги Сороса учебниках истории совсем другие перечни великих людей и их дел.

Гуревич П. Но десакрализация советской власти — ответ на конкретный и исторический этап российской истории, который никак не может быть написан теми красками, какими писался 70 лет.

Луков В. Разумеется, и с годами портрет страны становится более прорисованным и многокрасочным, сегодня — уже и без эйфории ожиданий от демократов новой, более счастливой и справедливой жизни. Но это заметки по ходу обсуждения, остается же главный вопрос...

Буева Л. Да — вопрос о том, феномен десакрализации власти связан с конкретной ситуацией или несет в себе черты устойчивой тенденции в обществе?

Луков В. В одном из комментариев в Интернете к митингу на проспекте Сахарова было написано так: «Нам не нужны политики. Нам нужен обычный КОНТРОЛЕР, который контролирует, как выполняется воля народа. А мы ему за это зарплату платить будем. Слово власть по отношению к чиновникам меня бесит. Тошнит уже от трепета некоторых перед «властью»». В этих рассерженных репликах, кроме частной реакции на конкретное событие, можно увидеть и нечто другое. В них приоткрывается то общество, которое социальные философы назвали «информационным», а Мигель Кастельс окрестил «сетевым».

Буева Л. Вы имеете в виду, что митинги собирались с помощью интернет-коммуникаций?

Луков В. И это тоже. Вообще-то в нашей истории это первые столь масштабные применения интернет-коммуникаций в политике. Но о сетевом обществе есть смысл говорить в масштабе глобальных перемен, которые нас ждут. Надо сказать, сетевые отношения были и в античности, и в средние века, и век, и полвека назад. Иными словами, сама организация повседневной жизни всегда имела дело с сетевыми отношениями, где те или иные сообщества реализовали свои задачи и были достаточно автономны. От чего автономны? От других сетей, но также и от властной иерархии. Видимо, надо считать уже прошедшими времена, когда Интернет и компьютерные игры были примерно одним и тем же, а именно способом уйти от повседневной рутины и от необходимости принимать ответственные решения по жизненно важным проблемам. Игры остаются, и зависимость от них по-прежнему рассматривается как психологическая проблема. Но уже говорить, что «потеряться в сети» — значит уйти в виртуальный мир, а в политике, что это форма абсентеизма, вряд ли можно. Напротив, из виртуального мира все настойчивее звучат вызовы миру реальному, и в требовании перемен виртуальный и реальный миры

смыкаются, становятся чем-то единым.

Гуревич П. Но в этом соединении реального и виртуального не появляется ли новое свойство власти, замещающее сакральность?

Луков В. Думаю, в этом и гвоздь проблемы. Когда мы говорим о голосе сетей, мы не можем не признавать, что информационное поддержание сетевых отношений предполагает не только их автономию, но и определенный уровень взаимодействия этих автономных фрагментов, некоторый метауровень управления ими. Вполне вероятно, что сетевая активность, проявившаяся в «арабской весне», как называют революционные события, начавшиеся 18 декабря 2010 года в арабском мире и охватившие здесь почти одновременно 20 стран, — так вот сетевая активность совсем не является локальной, то есть отдельно относящейся к революциям в Тунисе, Египте, падению в Ливии режима в результате гражданской войны, восстаниям в Бахрейне, Сирии, Йемене, протестным выступлениям в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко, Омане, Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Западной Сахаре и т. д. Оставим в стороне влияние космических факторов, хотя без них дело не обошлось. Мы даже можем отодвинуть в сторону фактор работы спецслужб, на время представив, что они ни при чем.

Гуревич П. В этом «очищенном» виде еще более странным становится такой всплеск протестной энергии в странах, где он мог бы возникнуть гораздо раньше или гораздо позже, но, во всяком случае, не одновременно. Вполне вероятно, что информационное общество столкнется с некой внешней могущественной силой, которая в этих событиях уже в потенции есть, а именно с силой ноосферного давления на реальные общества.

Буева Л. Ну, и что об этом свидетельствует?

Луков В. Попробую показать на аналогии. В 1999 году в Нидерландах по телевидению показывали передачу о группе людей, на месяц помещенных под стеклянный купол в аризонской пустыне. Смотрел передачу и некто Джон де Мол из городка Хильверсум, и его «осенило»: он придумал конструкцию реалити-шоу, ставшего известным под названием «Big Brother» («Старший Брат», иногда переводят дословно «Большой Брат»).

Вначале новый проект был показан на небольшом частном телеканале «Вероника». Там передача сразу завоевала немислимую популярность. Проект перекупили крупнейшие телевизионные корпорации, и сразу в 27 странах мира были пущены в эфир программы по этой модели. Успех феноменален в денежном измерении: компания «Entertainment» Джона де Мола была у него выкуплена испанской корпорацией «Telefonica» за 5,4 млрд. долл.

Буева Л. Но вас, похоже, интересует феноменальный успех «Старшего Брата» в ином аспекте — социальном, воспитательном.

Луков В. Да, что же такого в этом проекте, когда в Великобритании около десяти миллионов молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет приняли участие в рейтинговом голосовании относительно «Старшего Брата» и передач-конкурентов? Вопрос станет еще более интересным, если учесть, что в то же время ожидалось участие молодежи во всеобщих выборах на уровне полутора миллиона человек. «В этом нет ничего удивительного, — утверждает Зигмунд Бауман, — то, что показывается в передаче «Старший Брат», поразительно схоже с жизненным опытом зрителей. Участники программы, двенадцать мужчин и женщин с неизвестным прошлым и туманным будущим, должны провести в обществе друг друга несколько недель, «с нуля» наладив отношения, никоим образом не претендующие на прочность и продолжительность. Они заранее знают, что всем им суждено одному за другим покинуть эту команду, и задача каждого — добиться, чтобы другие сделали это раньше тебя... Если этого не удастся, то тебя исключат те, кого ты пощадил или не смог вовремя вытеснить. На протяжении этого транслируемого по телевидению состязания «не на жизнь, а на смерть» весь остальной мир остается невидимым; ни участники, ни аудитория не знают, откуда поступают продукты или игрушки и кто решает, каким будет следующее испытание. «Старший Брат» становится

обобщенным названием этого «внешнего мира», который снова и снова предстает перед зрителями и участниками шоу причудливым и непредсказуемым, преподносящим один сюрприз за другим, при этом никогда не раскрывающим своих карт. И зрителям кажется, что все это они уже давно подозревали и инстинктивно чувствовали, но лишь не могли составить складного рассказа из разрозненных деталей. Теперь им все ясно. И они могут утешиться: отныне они знают (во всяком случае, им наглядно это продемонстрировали), что невзгоды, казавшиеся им результатом их собственных ошибок или невезения, заложены в самом порядке вещей, что так устроен этот мир». Как оказалось, что придуманная конструкция мира буквально захватила мир?

Буева Л. Здесь-то уж американские спецслужбы вряд ли виноваты.

Луков В. Вот именно. В аспекте нашей темы в «Старшем Брате» с его анонимностью и свойствами демиурга по отношению к простому человеку можно увидеть, как сакральность власти вновь возвращается в общество совсем с другой стороны, а именно не из силовых арсеналов государства. Информационные сети становятся носителями иного типа тотального управления, нежели те, которых опасались Оруэлл, Замятин и другие авторы антиутопий. Это управление идет в новых условиях не из внешнего для человека источника, оно принимает форму самоуправления. Возможно, самоуправляемое общество при нынешних, а тем более будущих информационных возможностях, совершенно иначе поставит и проблему великой личности в истории и освободит политиков от сакральности их деятельности, наделив ею, этой сакральностью, лиц, отождествляемых с великим и могучим «Старшим Братом».

Гуревич П. Мы постоянно повторяем: история не имеет сослагательного наклонения. Между тем, это неверно. Получается, что в истории не было никаких случайностей, развилочек. Многие современные эксперты так не думают. Вот Леонид Млечин рассуждает: представьте себе, что в октябре 1917 года в Петербурге не было бы ни Ленина, ни Троцкого, не произошла бы революция. Осенью 1939 года никто не хотел воевать. Кроме одного человека — Гитлера. Если бы он умел рационально мыслить, то не решился бы на войну, которую Германия ни при каких обстоятельствах не могла выиграть. Многие немецкие писатели, к примеру, Альфред Андерш, отвергали всякий фатализм в истории. Они стремились разобраться в тех роковых просчетах национальной Истории, которые принесли неисчислимые бедствия народам Европы и привели саму Германию к сокрушительной катастрофе.

Луков В. На кого же можно уповать в политической жизни? Здесь, вероятно, могут быть самые разные идеи. Например, в Мексике для того, чтобы обеспечить честные и свободные выборы президента, обратились даже к Национальной ассоциации колдунов, уповая на их заклинания. Чего только не встретишь в современном мире, где подорвана власть традиции и каждому приходится создавать, как говорит Юрген Хабермас, полностью индивидуальный жизненный проект, чтобы оставаться самим собой. В этих условиях «объединенным в общество индивидам остается только возможность рискованного самоуправления посредством в высшей степени абстрактной тождественности Я».

Гуревич П. Но тогда и великий человек оказывается не у дел, он не нужен, чтобы поддерживать тождество каждого с его индивидуальным жизненным проектом.

Луков В. Иногда и в самом деле складывается впечатление, что в народе зреет отторжение любого, кто претендует на роль спасителя России. В «Опавших листьях» В. В. Розанова нахожу похожую реакцию вековой давности: «Всем великим людям я бы откусил голову. И для меня выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изредка улыбающаяся. Наполеон совершенно никому не интересен. Наполеон интересен только дурным людям (базар, толпа)». Вполне социологический взгляд. При перекормленности народа обещаниями власти лучших времен и постоянных свидетельств того, что прогресса не намечается, вновь усиливается значение ориентации на фигуру «среднего» человека, от которого ожидается не оригинальность, а эффективное функционирование «на своем

месте». В конкретных условиях это действительно ведет к утере значимости «великого человека».

Буева Л. Но это — временное явление?

Луков В. Как сказать... Все-таки, видимо, в современных условиях, когда произвол великого человека в достижении только ему одному ведомой цели перестает быть оправданной стратегией общественного развития, на передний план выступает умение того, кому доверено управлять людьми, страной, улавливать импульсы, идущего от народа, и следовать им. Такая стратегия вполне осуществима, а ныне — более, чем когда-либо в прошлом, в силу новых свойств социума, идущему семимильными шагами к информационному, а значит, к сетевому, обществу.

Гуревич П. Но современная власть абсолютно убеждена в том, что ей одной ведомы веления истории. Она свято верит в то, что никто, кроме нее, не сможет реализовать запросы времени. Одновременно критикуется оппозиция, у которой, как подчеркивается, нет никакой программы. Курьезно, что при этом проблема ЖКХ аранжируется как судьбоносная. Меняется век, преображается эпоха, а власть все равно мыслит на уровне совнархозов.

Луков В. В этой связи мне вспоминается мое первое прикосновение к социальной философии, когда в пединституте мы с братом писали студенческую работу по историческому материализму именно на тему о роли личности в истории. Тогда мы натолкнулись на один эпизод в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, который и сегодня не дает покоя своей ясностью и одновременно многозначностью. Эпизод такой: Андрей Болконский находится рядом с Багратионом во время сражения под Шенграбеном, где его отряд должен сковать превосходящие силы французов и обеспечить маневр, спасительный для русской армии. В общем, это смертный бой, когда весь успех зависит от умелого руководства. Но у Толстого это руководство выглядит как-то не так, как принято. Вот это место из романа: «Князь Андрей тщательно прислушивался к разговорам князя Багратиона с начальниками и к отдаваемым им приказаниям и к удивлению замечал, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями. Благодаря такту, который выказывал князь Багратион, князь Андрей замечал, что, несмотря на эту случайность событий и независимость их от воли начальника, присутствие его сделало чрезвычайно много. Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и, видимо, щеголяли перед ним своею храбростью».

Буева Л. Тут полно всяких аллюзий.

Луков В. Мне представляется, политический лидер, на которого могла бы уповать страна, должен обладать именно этими качествами в обществе, где авторитарный стиль управления уже не способен дать ожидаемого эффекта, хотя у многих людей именно на такой стиль первых лиц государства есть расчет, есть надежда. Ситуация противоречива, взрывоопасна. От руководителей требуется багратионовский такт (который, возможно, был толстовской идеей, а не свойством реального лица).

Гуревич П. Мне кажется, обсуждение показало, что в традиционной и вечно возобновляемой теме, связанной с ролью личности в истории, немало новейших оттенков. Сколько раз социальная философия обращалась к данной проблеме, изнемогая от непонимания ускользающей логики истории. Неужели в ней царствует случайность? Не выглядит ли история измученной жертвой деспотов, самозванных героев, новоявленных кумиров? Но нет ли в ней и фатальной приговоренности к сизифовым мукам революционных потрясений?

Испанский философ Мигель де Унамуно произнес странные слова: «Господь несуществующий! Услышь в своем небытии мои моления...» Я воспринимаю эту строчку как страстный призыв к Провидению, которое должно все-таки внести осмысленность в

исторический процесс. Но в наши дни традиционная тема действительно, как показало наше обсуждение, обрывает новыми смыслами. Половину тысячелетия Европа, которая сама по себе отнюдь не самая значительная часть света, властвовала над миром. Она и сегодня притязает на то, чтобы подарить всему миру частную собственность, информационный прогресс, демократию. Но история демонстрирует тектонические сдвиги, в ходе которых рушатся многовековые традиции. Слетают троны восточных властителей. Возникают новые центры власти, которые не имеют ничего общего с привычным формированием общественного мнения. Роль народа в истории обнаруживается уже не только в неизбежной политизации или пассивном следовании за вождями. Неожиданно обнаруживает себя «упрямство» толп и масс, выражающих иную логику событий. Незримо вызревают новые исторические смыслы. Платону казалось, что рабство оправданно. Русским царям мнилось, что крепостничество неизбежно. Нынешняя знать не сомневается в законности своего процветания. Но сегодня идея справедливости, право каждого человека на прижизненное благоденствие захватывает гигантские массы людей. Солидарность, единомыслие реализуются теперь не через партии, ловко придуманные политтехнологами, не через телевизионные картинки, а окольным путем, в сетевых недрах. Власть же, упоенная конъюнктурными целями, утрачивает историческую зоркость. Ее не убеждают неизбежные крутые виражи общественной динамики.

Марксистов всегда упрекали в том, что они зачарованы общим планом истории, убежденностью в неодолимом разворачивании тех закономерностей, которые открыла социальная философия. Однако сегодня очевидна историческая ответственность властителей. Благодаря психоисторическим исследованиям и социальной практике мы убеждаемся в том, что для любой страны важно, обладает ли ее лидер достаточным умом, зрелостью, совестью и ответственностью перед людьми? Не упоен ли он своей властью, нет ли в его действиях обычного человеческого упрямства, гордыни, нарциссизма или других психопатических свойств? Не одержим ли он властной убежденностью в том, что люди не имеют права мешать ему выполнить свою историческую миссию.

Мощной тенденции десакрализации власти противостоит стремление найти новые резоны для ее обожествления. С одной стороны, нередко цитируют слова русского историка В. О. Ключевского, который пришел к выводу: жития святых так же похожи на биографию, как икона на портрет. Мы узнаем сегодня, что Александр Невский не более, чем золотой миф средневековья, что другой великий объединитель русских земель Дмитрий Донской был хитрым и беспринципным политиком. Позолота смывается с кумиров, и они оказываются простыми идолами. Но, с другой стороны, в современных японских школах изучают не фактическую историю данной страны, а ее мифологию. Вера в великую миссию Японии заменяет реальную историю державы. Странники нынешней власти в России тоже пытаются сакрализовать собственную миссию, они призывают народ не раскачивать лодку. Они уверяют людей в том, что любая стабильность лучше, чем социальные потрясения любой окраски. Власть демагогически спекулирует на естественном для народа отторжении бунтарства и общественной встряски. Но стабильности социума в еще большей степени угрожает убогое заигрывание с народом, щедрость подачек и обещаний, параноидальная незрелость властителей. Белорусская девочка, которая на наигранный тон президента ответила простым вопросом «Дядя Саша, ты дурак?» заставляет нас еще раз вспомнить о мудрости сказочника Андерсена.

Евгений Замятин впечатляюще рассказал нам в свое время о Мудром Благодетеле, которого миллионы «нумеров» единогласно переизбирают каждый год, боясь заразиться опасным вирусом под названием «душа». Конечно, феномен десакрализации власти опасен не менее, чем тоталитарный хлыст. Мольер высмеивал в своих комедиях короля Людовика. Но его не покидало при этом неизменное почтение к тысячелетней престолонаследной власти. В начавшемся президентском марафоне в США интересуются, не является ли претендент на власть геем или наркоманом. И это закономерно, но сопряжено и с профанацией самой идеи власти. Политик не голливудская звезда. Народ все яснее понимает, что

стабильность общества зависит не от длительного пребывания хозяина возле распределения постов и кредитов. Его интересует мудрость правителя, его способность испытывать роптания стыда и совести, его ответственность перед историей.

Правитель не может быть дураком, но ведь и мы, наверное, тоже.